

ИЗДАТЕЛЬСТВО

 Русский мир

ФЛОРЕНСКИЙ

РУССКИЙ МИРЪ
 В ЛИЦАХ

Павел
 Александрович
 ФЛОРЕНСКИЙ

В.А. ШАПОШНИКОВ

«Математика для меня — это ключ к мировоззрению»¹

Поступая в Университет, Павел Флоренский выбрал математическое отделение физико-математического факультета. Он мог бы поступить на естественное отделение на том же факультете в соответствии с главной страстью своих гимназических лет — исследованием природы, или на историко-филологический факультет, с которым его сближали философские интересы и главное стремление студенческих лет — построение целостного мировоззрения. Однако будущий отец Павел решил в первую очередь получить профессиональную математическую подготовку.

«То, чего я хотел еще со 2-го класса от математики, я теперь начинаю мало-помалу получать и вполне уверен, что получу больше, чем ожидаю и надеюсь». Так писал он матери 5 окт. 1900 г., приступая к учебе в Московском университете. Чего же Флоренский ожидал еще с детства от математики, какие возможности надеялся реализовать благодаря углубленному изучению именно этой науки? «Математика для меня, — продолжал он в том же письме, — это ключ к мировоззрению». Мировоззрение это мыслилось им как здание, прочный фундамент которому может быть дан только математикой, или как живое существо, в котором математика — это костяк, скелет². Он был убежден, что «все возможные закономерности бытия уже содержатся в чистой математике»³.

Имеющиеся у нас данные склоняют к мысли, что даже в момент поступления в Московский университет Флоренский не собирался быть профессиональным математиком в смысле узкой специализации. Углубленные занятия чистой математикой должны были стать ступенью в решении более широкой философской задачи. Этой задаче он оставался верен на протяжении всей жизни. Подводя определенный итог своего пути в «Автореферате» (около 1925–1926 гг.), написанном для энциклопедического словаря «Гранат», о. Павел говорил о

* Так писал он в curriculum vitae 1921 г. об убеждениях своей юности³.

себе: «Свою жизненную задачу Ф. понимает как проложение путей к будущему цельному мировоззрению»⁴.

Весьма вероятно, что в выборе математического образования в качестве базового решающую роль сыграло увлечение философией Платона, которое началось у него, по свидетельству самого Флоренского (письмо к матери от 5 окт. 1900 г.), в последнем классе гимназии. Ведь именно Платон в диалоге «Государство» настаивал на том, что путь к философскому умозрению проходит через освоение математических дисциплин — арифметики, геометрии, музыки и астрономии. Да и для собственно философского восхождения к подлинно сущему математика сохраняет роль уникальной азбуки и незаменимого подспорья, полагали платоники.

Математика выступает как глубинная основа многих работ Флоренского, на первый взгляд не имеющих никакого отношения к математике. Так по поводу самой знаменитой своей богословской работы, — книги «Столп и утверждение Истины» (1908–1914), — он сам писал: «Тут делается попытка применить ряд математических понятий и операций, даже не называя их, применить, так сказать, в переваренном виде, к общим вопросам миропонимания, к проблемам духовной жизни, использовать в целях философских самый дух математики, по возможности оставляя математический аппарат в стороне»⁵. В «Автореферате» сказано об этом так: «Мировоззрение Ф. сформировалось главным образом на почве математики и пронизано ее началами, хоть и не пользуется ее языком»⁶. Впрочем, достаточно часто Флоренский опирается в своих работах не только на дух, но и на язык математики, о чем свидетельствует внимательное чтение того же «Столпа».

Павел Флоренский полагал, что не только занятия философией, но в значительной степени именно занятия математикой способствовали его приходу в Церковь⁷. Подобным утверждением он уже в ноябре 1900 г. весьма удивил своего гимназического друга Александра Ельчанинова⁸. Эту же мысль Флоренский повторил в письме к матери от 3 марта 1904 г. Чем же математика могла способствовать воцерковлению будущего о. Павла?

Намек на такое понимание математических занятий есть в письме сестре Люсе от 21 мая 1904 г., в котором он говорил о том, что его личные занятия всегда были для него «не просто занятиями, а родом молитвы». В неоконченной поэме «Святой Владимир», над которой Павел Флоренский работал в 1904 г., есть место, где нарисованный им, в первую очередь с самого себя («только контур»), персонаж молится и благодарит Бога, приведенный в восторг стройностью и совершенством изучаемого им математического объекта⁹.

Записная тетрадь 1904–1905 гг. свидетельствует о (неосуществившемся) замысле Флоренского объединить ряд ранних своих статей в

* Дарственная надпись П.А. Алферову 9 фев. 1914 г.⁵

** См. письмо последнего к Флоренскому от 30 ноября 1900 г.

книгу под названием «О катарсисе»⁹. В нее должны были войти — «О суеверии и чуде», «О символах бесконечности», «Об одной предпосылке мировоззрения», кое-что из включенного в «Эмпирию и Эмпирию» (о таинствах и мистическом изменении, эмпирически не воспринимаемом), а также несколько так и не написанных статей, в основном связанных с темой прерывности и теорией множеств Кантора, но с выходами на метафизическую и религиозную проблематику. Объединяет эти работы то, что в сердцевине их лежит математика, а на периферии обязательно происходит соприкосновение с религиозными проблемами. В письме сестре Люсе от 7 сен. 1903 г. он писал: «... целая масса статей и т.п. висит над моей головой, статей от геологии до мистической теории познания включительно (конечно, через математику)». Слово «катарсис» («очищение») принадлежит религиозному словарю и связано в первую очередь с практикой мистерий, а уже затем — с греческим театром и философией. Именно математика, полагал Флоренский, позволяет осуществить философский катарсис — через наведение порядка в области понятий разрушить стену, стоящую между человеком современной культуры и Богом.

В письме от 27 авг. 1912 г. о. Павел сообщал В.А. Кожевникову: «Мои научные статьи, из коих большая часть не напечатана или даже слегка набросана, “тетради” мои и т.д.; обширная математическая работа* и математические заметки — это все, как я мысленно называю всегда — *ta kathartika*, — расчистка души моей от современности»¹¹. В этом письме Флоренский представлял свой путь как последовательное прохождение трех этапов: *katharsis* (очищение), *mathesis* (научение), *praxis* (действие). «К третьему этапу, — писал он, — я еще не подошел, этот этап — лишь предчувствую». Свою теодицею — «Столп» и антроподицею, только еще разрабатываемую в то время, — «Философию культа», он относил ко второму этапу, а математические работы — к первому. Сходную мысль находим и в письме еп. Феодору (Поздеевскому) от 22 сент. 1918 г., написанном в связи с организацией Высшей Богословской Школы, где о. Павел должен был читать философию: «А основная задача, которую нужно поставить мне, по свойствам моего образования, это по преимуществу “кафартика”, т.е. очищение ума от ложных предпосылок и догматов современности, от ложной науки и ложной философии, чтобы чистым оком ума учащиеся научились взирать на область духовную, благодатью открываемую. Могу заниматься я и другим, но в интересах дела, думаю, полезнее всего заниматься мне именно вышесказанным: я считаю, что вовсе не столько нужно научить системе того или другого философа, как выпрямить самые понятия и тем облегчить путь (“уровнять пути”) грядущему в душу Христу»¹². Итак, математические занятия раскрывались для Павла Флоренского как «кафартика», «расчистка души от современности», которая виделась ему в свете призыва про-

* Речь идет о «диссертации» Флоренского «Идея прерывности как элемент мирозерцания»¹⁰.

рока Исаяи, повторенного Иоанном Крестителем: «приготовьте дороге Господу, прямыми делайте пути Его» (Мф. 3, 3). Еще в 1904 г. в поэме «Святой Владимир» Флоренский выводил себя («только контур») в образе Иоанна Крестителя *sui generis*, который отвечает на вопрос «кто ты?» так: «Глас вопиющего в пустыне. Исправьте пути Господу. Уровняйте стези Его. Я — проповедник. Внемлите проповеди очищения. Проповедую катарсис. Покаяние — покаяние в предвзятых мнениях принесите. — Смойте водою крещения, ключевой водою умозрения — холодной. Крещу вас водою умозрения, готовлю к принятию Господа. <...> Христос поставил меня, недостойного, чтобы я проповедовал катарсис — очищал от предвзятости мнений»¹³.

Чтобы лучше понять, каким образом математические занятия могут служить не только «родом молитвы», но и «кафартикой», обратимся к приблизительному проспекту собрания своих сочинений, который Флоренский составил в 1919 г. Открывал он это собрание томом философско-математических работ под заглавием «Черты отрицательной философии»¹⁴. Термин «отрицательная философия», как пояснял сам о. Павел¹⁵, заимствован у Шеллинга, который делил философию на отрицательную и положительную: отрицательная исследует возможность и невозможность, а положительная — реальность и нереальность. Но отрицательная философия, — продолжал он, — *невозможна без математики*. По этому поводу о. Павел любил вспоминать слова известного французского физика Араго: «Тот, кто вне области чистой математики производит слово “невозможно”, — лишен благоразумия». Эти слова, полагал он, сохраняют свою силу и при замене слова «невозможно» на слово «возможно».

В 1908–1909 учебном году Флоренский сделал попытку читать студентам Московской Духовной Академии лекции по энциклопедии математики*. Зачем, казалось бы, будущим священникам и богословам математика? «Курс, читаемый мною, — объяснял Флоренский, — носит характер философско-апологетический». Задачу свою он видел не только в том, чтобы познакомить слушателей с основными идеями и утверждениями математики, но и в том, чтобы «применить математические понятия и положения к критике методологических приемов, руководящих правил, основоположений и основных понятий современной науки. Это дает возможность обнаружить произвольность и фантастичность целого ряда положений, которые считаются в широкой публике достоверными. И тем самым энциклопедия математики делается почвой для новой, еще лишь намечающейся богословской дисциплины, которую можно было бы назвать математической апологетикой»¹⁷.

Математика имеет апологетическое значение, способна помочь человеку войти в церковную ограду, поскольку изучение математики

* Уже в записной тетради Флоренского 1904–1905 гг. имеется пометка: «О необходимости учредить при Академиях кафедру по энциклопедии математики», датированная сентябрем 1905 г.¹⁶

позволяет освободиться от гипноза утверждений типа «наука доказала...» Навык математической строгости в рассуждениях, в выявлении предпосылок того или иного вывода приучает адекватно оценивать подлинный статус и вес научного положения. Математика освобождает от предрассудков, связанных с представлениями о границах возможного и невозможного (задача отрицательной философии): «математика дает нам решение того, что мыслимо в области закономерностей и схем и что не мыслимо»¹⁸.

Освобождение от предрассудков, для которого столь важна математика, есть расчистка пути к Богу как Истине. Бог взыскуется по Флоренскому, в первую очередь, именно как Истина, а уже потом — как Благо и Красота. Потому и оправдание Бога, теодицея, которая мыслится как путь вхождения в Церковь, строилась Флоренским именно в теоретико-познавательной плоскости с опорой на «дух математики»¹⁹.

Особое значение для Флоренского имели в этом отношении парадоксальные свойства бесконечных множеств, изучаемые в теории Г. Кантора, и необычайное расширение представления о закономерности, достигаемое в теории функций, которая вырастала на основе теории множеств в конце XIX — начале XX века. Именно им он посвятил внушительную по объему работу университетских лет «Идея прерывности как элемент мирозерцания». Основополагающие идеи современной ему математики — идеи *множества* (Флоренский говорил — «группы», сейчас этот термин имеет в математическом языке иное значение)²⁰ и *функции*²¹ есть, по Флоренскому, основа всякой познавательной деятельности вообще, что и определяет беспрецедентную философскую значимость математики.

Понятие «группы» как единства во множестве есть математическое выражение интуиции *всеединства** или, как предпочитал говорить Флоренский, — *целого, целостности*. «Целый» понимался им как «являющийся воплощением идеи»²³. Мир феноменов (Эмпирия) был для Флоренского, как платоника²⁴, явленностью мира ноуменального, мира идей (Эмпирия). Идея, вступая в эмпирический мир, предстает как единство во множестве. «Будучи единым в себе самом, целое является в пространстве и времени как *множество*»²⁵. Таким образом, центральное понятие математики в самом общем виде выражает на формальном уровне главную тайну бытия — тайну символической границы, на которой всякий феномен предстает как явленность единой идеи, а всякая идея — как раскрывающаяся в целостности явления.

С понятием группы тесно связана была у Флоренского одна из центральных категорий его философии — понятие *формы*, соотноси-

* «Множественность, ставшая законченной и объединенной» — так понимал термин «всеединство» Флоренский в работе «Понятие Церкви в Священном Писании» (1906).²²

тельное платоновской идее. Форма понималась им как «органическое единство»²⁶, т.е. такое единство, которое подобно не груде камней, объединенных в одно целое лишь внешним образом (механическое единство), но живому существу, единство органов которого всегда внутреннее.

Мир своего детства о. Павел описывал в воспоминаниях как дискретное многообразие четко отделенных друг от друга природных форм, но такое многообразие, за внешней раздробленностью которого таится внутреннее единство²⁷. Возможно поэтому, столкнувшись в Университете с «аритмологией» Николая Васильевича Бугаева²⁸, которая настаивала на том, что «прерывность» (дискретность) более фундаментальная характеристика явлений, чем «непрерывность», он воспринял это учение о прерывных функциях как выражение своих давних интуиций. Познакомившись с теорией множеств Кантора, он вновь увидел в ней отголосок той же интуиции: всякое многообразие, даже непрерывное — континуум, строится как сложное объединение дискретных элементов²⁹.

Это не было отказом от интуиции всеединства: путь к подлинному единству лежит через реальное обособление. Всеединство не есть простое единство, но и не есть его отрицание — простая множественность, но синтез того и другого в более совершенном целом — единстве многого. Принятие формы неотделимо от принятия прерывности и только принятие того и другого ведет к постижению подлинного единства живой целостности. Связь принятия формы с принятием прерывности Флоренский специально разъяснял в предисловии к работе «Число как форма» — статье «Пифагоровы числа» (1922)³⁰.

В свете ведущей роли категории формы о. Павел рассматривал и понятие о *числе*³¹. Число — это не просто набор единиц, самое главное в нем — его целостность, его индивидуальная форма. «Число, — читаем в той же работе, — есть некоторый прототип, идеальная схема, первичная категория мышления и бытия. Оно есть некоторый умный первоорганизм, качественно отличный от других таких же организмов — чисел». Именно такое понимание числа он находил у самых истоков европейской культуры — у древних пифагорейцев и платоников. На рубеже XIX–XX веков, полагал Флоренский, намечался явный возврат к пониманию числа как формы. Важный шаг в этом направлении он видел в учении Кантора о «типах порядка» (идеальных числах), которые, подобно натуральным числам, мыслятся как абстракции, возникающие в результате отвлечения от природы элементов множества. *Тип порядка* — это «некоторое единое органическое целое, состоящее из различных единиц, сохраняющих между собой — в одном или нескольких отношениях — определенный взаимный порядок». Здесь материал — абстрактные единицы, подчинен некоторой форме — определенному порядку, установленному между этими единицами. Число как форма — это число, обладающее определенной внутренней структурностью, *число как структура*. «Если бы

теория кратко-протяженных типов порядка, — заключал о. Павел, — была достаточно разработана, то одним числом выражалось бы сложнейшее строение объектов природы, и познанию действительности как царству форм было бы выковано могущественное орудие». «Совершенно незаметно для себя наука возвращается к пифагорейскому представлению о выразимости всего целым числом и, следовательно, — о существенной характеристности для всего — свойственного ему числа»³².

Мысль о необходимости стремиться к выражению единого явления математически единым же образом, — единым числом, единой функцией, единой формулой, — характерна для Флоренского. «Нет ничего в природе принципиально невыразимого символами математики, как бы тонко, сложно, капризно и неуловимо оно ни было. Всякому явлению есть своя *формула*, всякому явлению соответствует *своя функция*». Но эта функция уже не может быть всегда непрерывной: в целостном изображении явления одною формулою нет ничего невозможного, но при использовании прерывных функций и аритмологических формул³³. В плане труда «У водоразделов мысли», который был помещен о. Павлом в конце книги «Мнимости в геометрии» (М., 1922), в третьем выпуске был намечен раздел «Формула формы», который, к сожалению, так и остался ненаписанным³⁴.

В «Автореферате» эти мысли подытожены в следующих словах: «... для Ф. наиболее существенным в познании мира представляется всеобщая закономерность как функциональная связь, но понимаемая, однако, в смысле теории функций и аритмологии. В мире господствует прерывность в отношении связей и дискретность в отношении самой реальности. Неприемлемое позитивизмом и кантианством как нарушающее непрерывность, тем не менее закономерно и соответствует функциям прерывным, многозначным, расплывающимся, не имеющим производной и проч. С другой стороны, дискретность реальности ведет к утверждению формы или идеи (в платон-аристотелевском смысле) как единого целого, которое «прежде своих частей» и их собою определяет, а не из них складывается. Отсюда — интерес к интегральным уравнениям и к функциям линий, поверхностей и проч.; отсюда же, в другую сторону, — пифагорейский уклон и стремление понять число как форму»³⁵.

Т.А. ШУТОВА

Сокрытое чудо: Святая тайна Лавры^{1*}

«Партии возрождения России», за участие в которой был арестован, осужден и расстрелян священник Павел Флоренский, не существовало, как не было и церковно-монархического заговора по свержению устоев власти. Но была тайна. Тайна, связавшая отца Павла Флоренского и его единомышленников. Эту тайну унесли с собой в мир иной все к ней причастные. Говорят, что рукописи не горят. Не исчезают бесследно и мысли, хранимые в сфере духа — пневмосфере, как называл ее П.А. Флоренский. В декабре 1997 года в день памяти отца Павла Флоренского эта тайна была приоткрыта правительственной «Российской газетой», опубликовавшей очерк «Обет молчания: Святая тайна Лавры», легшей в основу многих последующих публикаций. Итак, перенесемся в Сергиев Посад послереволюционной поры...

После Октябрьской революции подмосковный Сергиев Посад стал поистине духовной столицей России уходящей. Сюда, в сердце православия, собрался цвет нации, представители ее славных семей, писатели, художники, философы. Какие громкие имена — Голицыны, Дурново, Иловайские, Шаховские, Раевские, Нарышкины, Родзянко, Шереметевы. Тут работают Фаворский, Розанов, Нестеров. Одно время существовал даже «Первый колхоз Сергиева Посада», председателем которого был граф Олсуфьев, а колхозниками — графы да князья. В 1918 году была создана Комиссия по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевской Лавры во главе с П.А. Флоренским. В 1920 году Лавру закрыли. Иноки закрытого монастыря и прилегающих скитов пошли работать в посадские музеи. Именно благодаря их подвижничеству сокровища Лавры были защищены от разграбления и надругательства. В 1928 году грянуло знаменитое «Сергиево-посадское дело», по которому были арестованы 80 «бывших». По-разному сложилась судьба этих людей. Некоторых из них связала сокровенная тайна, которую свято хранили все, причастные к ней.

* См. комментарии Сергея Голубцова и отрывки из воспоминаний Егорова Адриана Александровича «Семейная лестница» на стр. 507.

На мой взгляд, при всей противоречивости этого труда отца Павла, особая ценность «Столпа» заключается в том, что именно эта книга стала наиболее ярким выразителем идей Флоренского. В ней можно проследить эволюцию его философских взглядов, найти ключ к пониманию всего творческого наследия отца Павла. И, наконец, в ней он выразил самую суть своего жизненного пути, а именно наглядное доказательство отсутствия противоречий между наукой и религией.

При наступлении благоприятных обстоятельств дети и внуки Флоренского подготовили к печати и издали основную массу трудов отца Павла, так и не вышедших при его жизни. Кроме того, на протяжении всей своей жизни потомки Флоренского занимались и занимаются и по сей день скрупулезным сбором работ, посвященных изучению наследия отца Павла. Это бесценное сокровище сегодня доступно исследователям. Мы стоим в начале большого пути — труды отца Павла нуждаются в изучении и тщательном осмыслении. Убежден, что в ближайшее время на свет появятся новые монографии, посвященные изучению богатейшего наследия священника Павла Флоренского. Настоящая конференция стала важным шагом на этом пути.

КОММЕНТАРИИ И ПРИМЕЧАНИЯ

В.А. Шапошников

«Математика для меня — это ключ к мировоззрению»

¹ Настоящий текст представляет собой сильно сокращенный и исправленный вариант статьи: Шапошников В.А. Математическая апологетика Павла Флоренского // На пути к синтетическому единству европейской культуры. Философско-богословское наследие П.А. Флоренского и современность / Под ред. В.Н. Поруса. М.: ББИ св. апостола Андрея, 2006. С. 164–180.

² См.: Флоренский П.А. Черновик выступления на открытии студенческого математического кружка при Московском математическом обществе (1902) // Историко-математические исследования. Вып. 32–33. М., 1990. С. 471–472.

³ Цит. по: иеродиакон Андроник (Трубачев А.С.). К 100-летию со дня рождения священника Павла Флоренского // Богословские труды. Сб. 23. М., 1982. С. 266.

⁴ Соч. в 4-х томах. Т. 1. С. 38.

⁵ Цит. по: иеродиакон Андроник. О творческом пути священника Павла Флоренского // Флоренский: pro et contra. СПб., 1996. С. 515.

⁶ Соч. в 4-х томах. Т. 1. С. 40.

⁷ См.: Шапошников В.А. Путь П.А. Флоренского в Церковь // Соловьевские исследования. Вып. 1(29). Иваново, 2011. С. 36–49.

⁸ Павел Флоренский и символисты: Опыты литературные. Статьи. Переписка / Сост., подгот. текста и коммент. Е.В. Ивановой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 252–253.

⁹ Флоренский и символисты. С. 335.

¹⁰ См. о ней: Шапошников В.А. Всеединство и аритмология (математические работы П.А. Флоренского университетских лет) // Философия, наука, образование — 2010 / Труды кафедры философии естественных факультетов философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Ежегодное издание / Под ред. О.Д. Волкогоновой и В.А. Шапошникова. М.: ООО «Мэйлер», 2010. С. 306–330.

¹¹ Вопросы философии. — 1991. — № 6. — С. 108.

¹² Цит. по: Половинкин С.М. Московская Духовная Академия от Февраля к Октябрю 1917 года // Начала. 1993. № 4(10). М., 1994. С. 125.

¹³ Флоренский и символисты. С. 253–254.

¹⁴ Соч. в 4-х томах. Т. 1. С. 701.

¹⁵ Заметки к лекциям по энциклопедии элементарной и высшей математики. 1919. Рукопись. С. 22.

¹⁶ Флоренский и символисты. С. 408.

¹⁷ Объяснительная записка к программе по энциклопедии математики. Рукопись.

¹⁸ Лекции по энциклопедии математики. 1908–1909. Рукопись. С. 4.

¹⁹ См. «Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах» (1914).

²⁰ См.: О типах возрастания (1906) // Соч. в 4-х томах. Т. 1. С. 284; Вступительная статья к переводу «Физической монадологии» И. Канта (1905) // Соч. в 4-х томах. Т. 1. С. 682.

²¹ См.: О типах возрастания (1906) // Соч. в 4-х томах. Т. 1. С. 284–285.

²² См.: Соч. в 4-х томах. Т. 1. С. 362.

²³ Раздел «Целое» спецкурса 1917 г. «Из истории философской терминологии». См.: Соч. в 4-х томах. Т. 3(1). С. 456.

²⁴ См.: Шапошников В.А. Персоналистический платонизм о. Павла Флоренского // Вестник МГУ. Серия 7: Философия. М.: Изд-во МГУ, 2011. № 1. С. 3–19.

²⁵ Раздел «Золотое сечение» спецкурса «Из истории философской терминологии». См.: Соч. в 4-х томах. Т. 3(1). С. 460.

²⁶ «Пути и средоточия» (1917–1922), второе предисловие к циклу «У водоразделов мысли». См.: Соч. в 4-х томах. Т. 3(1). С. 39.

²⁷ Детям моим. М.: Московский рабочий, 1992. С. 72–73, 85, 184.

²⁸ См.: Шапошников В.А. Философские взгляды Н.В. Бугаева и русская культура XIX — начала XX в. // Историко-математические исследования. Вторая серия. Вып. 7(42). М.: Янус-К, 2002. С. 62–91.

²⁹ Об одной предпосылке мировоззрения (1904). См.: Соч. в 4-х томах. Т. 1. С. 74–75.

³⁰ Соч. в 4-х томах. Т. 2. С. 633.

³¹ См.: Шапошников В.А. Категория числа в конкретной метафизике Павла Флоренского // Число: [сб. статей] / Отв. ред. А.Н. Кричевец. М.: Макс-пресс, 2009. С. 354–364.

³² Соч. в 4-х томах. Т. 2. С. 635–639.

³³ Принцип прерывности (1922). Рукопись.

³⁴ Соч. в 4-х томах. Т. 3(1). С. 21.

³⁵ Соч. в 4-х томах. Т. 1. С. 40–41. Продолжение настоящей статьи см.: Шапошников В.А. «Плотскость мысли» (К философии математики о. Павла Флоренского) // Историко-математические исследования. Вторая серия. Вып. 14(49). М.: Янус-К, 2011. С. 242–265.

Т.А. Шутова

Сокрытое чудо: Святая тайна Лавры

Голубцов Павел Александрович, впоследствии архиепископ Новгородский и Старорусский Сергей (1906–1982) — один из главных действующих лиц рассказанной истории, был моим дядей. Я много лет собирал материалы по истории Троице-Сергиевой Лавры и могу кое-что дополнить.

Прежде всего — о той миссии, которую предназначено было исполнить П.А. Голубцову. Совершенно очевидно, что архимандрит Кронид и отец Павел Флоренский, спасая Пречестную Главу Преподобного, понимали, что их ожидает. Но они не могли не думать о том, чтобы передать эту тайну тому, у кого было больше шансов уцелеть. Таким человеком и стал Павел Александрович Голубцов, сын профессора Московской Духовной Академии.

Когда ему поручили его миссию? Это могло произойти до 1930 года — до ареста П.А. Голубцова или же после 1933 года, когда он вернулся из Архангельской области, куда был сослан. После ссылки он жил под Москвой и работал художником. Вероятнее второе: до 1930 года он был слишком молод. Доверить ему эту святую тайну мог Ю.А. Олсуфьев, которого И.Э. Грабарь устроил работать в реставрационные мастерские. Потом он трудился в Третьяковской галерее — до ареста и расстрела в 1938 году. Они могли встречаться в Центральном реставрационном мастерских или в Третьяковке.

Будущий владыка Сергей остался единственным хранителем тайны. В 1941 году он ушел на фронт, служил санитаром. Судьба сохранила его на бранных полях и, демобилизовавшись, он исполнил дело, порученное ему. Много лет спустя, незадолго до кончины владыки Сергей доверил тайну избранным из своих духовных детей. Они и донесли до нас эти удивительные подробности: П.А. Голубцов хранил священный ковчег на полке, за книгами, а переносил он из укрытия Главу Преподобного в простой невзрачной сумке, для маскировки завернув ковчег в газету...

протоиерей Сергей Голубцов

Отрывки из воспоминаний Егорова Адриана Александровича*

«Семейная лестница»

[...] Но вернемся к 1921 году и Сергиеву Посаду. Только сначала о том событии, которое легло в основу рассказа Шмелева «Куликово поле», правда, в очень измененном виде. Так как же подлинно был найден святой крест-мошевик, прободенный копьем на поле Куликовом?

* Егоров Адриан Александрович — сын Васильчиковой Екатерины Павловны, внучатый племянник Олсуфьева Юрия Александровича.

РУССКИЙ МИРЪ В ЛИЦАХ

Павел Александрович ФЛОРЕНСКИЙ

— • —
ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

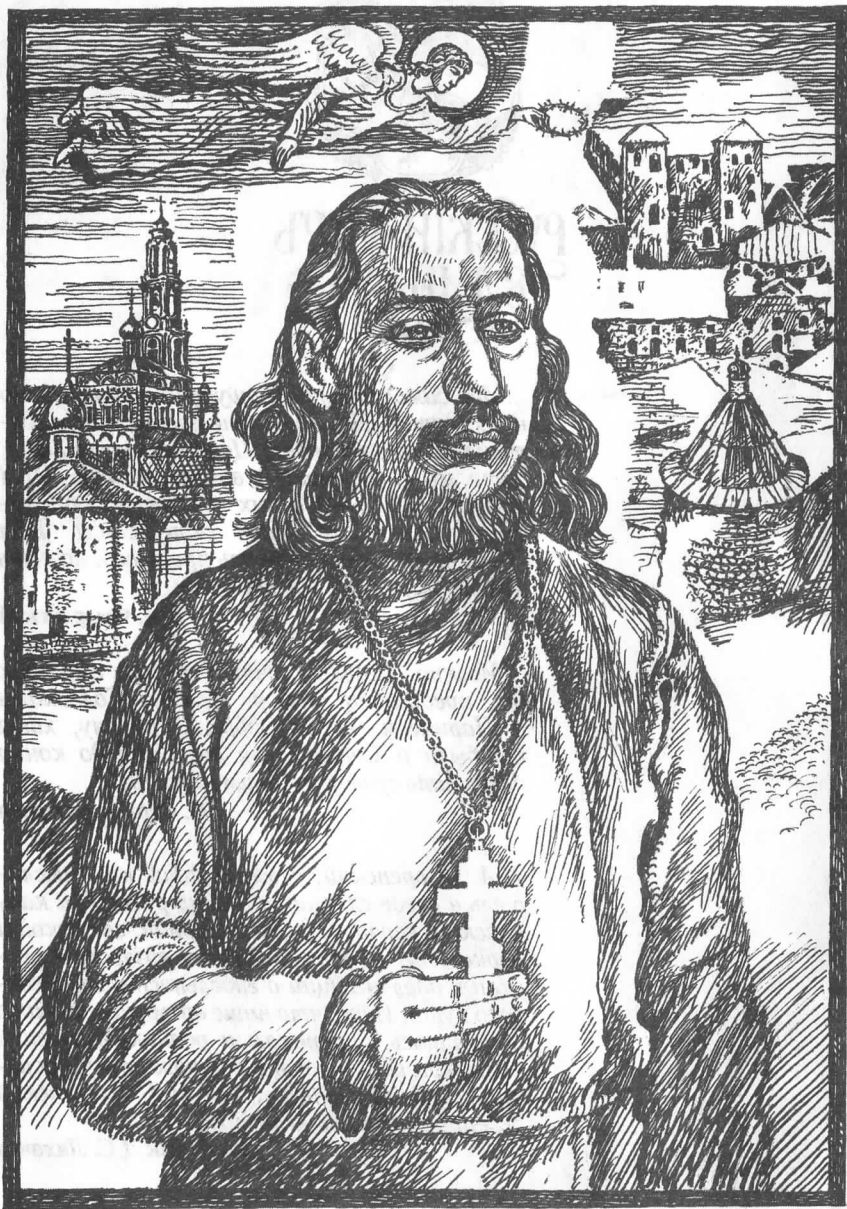
— • —
СВЕТ ФАВОРСКИЙ

— • —
ПОЭТИКА СУДЬБЫ

*Издание подготовил
П.В. Флоренский*

Москва
2015

УДК 1(092)
ББК 87.3(2)53-697
П12

Серия основана в 1999 году

Книге присуждён грант
Президента Российской Федерации
для поддержки творческих проектов
общенационального значения в области культуры и искусства

При финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

Составитель, автор вступительной статьи, краткой летописи
жизни, комментариев и библиографии П.В. Флоренский

Составители А.И. Олексенко, Т.А. Шутова
Макет вкладок А.Б. Орешинной

П12 Павел Александрович Флоренский. Диалог со временем. Свет
Фаворский. Поэтика судьбы / [сост., авт. вступ. ст., крат. летописи
жизни, коммент. и библиогр.] подгот. П.В. Флоренский. — Москва:
Русский Мир, 2015. — 528 с.: ил. — (Русский Мир в лицах). —
ISBN 978-5-89577-175-4.
I. Флоренский, П.В., сост.

Агентство СІР РГБ

Новая книга из серии «Русский Мир в лицах» посвящена жизни и трудам
Павла Флоренского — богослова, философа, математика, физика, искусствове-
да и музееведа, а в последние пять лет земной жизни — узника тюрем и ла-
гере. В 1937 году его жизненную правоту подтвердила мученическая кончина
за то, что он — «священник, не снявший сана», потаенная казнь и братская
могила рядом с тысячами его соотечественников. В книге представлены богос-
ловские, литературные произведения П.А. Флоренского. Их сохранила его жена
А.М. Флоренская и старший сын Василий.

В книге представлены как исследователи его творчества и мемуаристы —
современники Павла Флоренского, так и исследователи — наши современни-
ки. Издание подготовлено старшим внуком Павла Флоренского, о рождении
которого он успел узнать, будучи в Соловецком лагере. Впервые публикуют-
ся неизданные документы, приводятся новые сведения, сохранившиеся в се-
мейном архиве.

УДК 1(092)
ББК 87.3(2)53-697

Серийное оформление и гравюра на фронтисписе
В. В. Покатова

© Флоренский П. А., насл., 2015
© Флоренский П. В., сост., вступ. статья,
комментарии, библиография, 2015
© «Русский Мир», 2015

ISBN 978-5-89577-175-4

ПЕРО И КРЕСТ СВЯЩЕННИКА ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО

В истории каждого народа есть имена, ставшие символом нацио-
нального самосознания, веками культуры, на которые народ ориен-
тируется, по которым сверяет часы своего развития. Когда в России
говорят о квинтэссенции литературы, наиболее полно выражающей
«русский дух», то принято определение «Пушкин — наше все». Из-
вестный литературовед П.В. Палиевский даже определил вектор раз-
вития русской литературы — не от Пушкина, а к Пушкину, предпола-
гая не только формальные параметры развития, но и нравственные.
О «нашем все» мы знаем если не все, то очень многое. Наряду с цита-
тами из произведений Пушкина, которые вошли в нашу плоть и кровь,
мы по дням и чуть ли не по часам знаем обстоятельства его жизни, его
друзей и недругов. Нам это важно не только для того, чтобы воссоздать
«энциклопедию XIX века», атмосферу пушкинского времени, назван-
ного позже Золотым веком русской культуры, но и для того, чтобы по-
знать те пути, по которым возможно становление или, лучше сказать,
восстановление нашей культуры, чтобы познать самих себя. Античная
традиция начинает историю с века золотого, на смену которому при-
шел век серебряный, а потом века бронзовый и железный, оставшиеся
в научной периодизации древности.

По аналогии с Золотым выделяют и Серебряный век русской куль-
туры — блистательное начало века XX, — подрубленный под корень
головкружительными выражами русской истории. Но насельники
Серебряного века вкладывали в его имя еще один смысл. Они называ-
ли «серебряной пылью» кокаин, модный наркотик, уводивший в иные
миры декадентствующих, что в переводе значит «падающих». Это был
и век духовных заблуждений и трагических ошибок великого наро-
да, поверившего в иллюзию создания царства свободы и равенства в
одной отдельно взятой стране. В то же время период этот славен со-
звездием имен в науке, литературе, искусстве. Многие звезды, свет ко-
торых доходит до нас *post mortem**, мы открываем только теперь.

Есть ли фигура, грани творчества которой отражали бы разнообра-
зие и трагические противоречия того времени, фигура, могущая стать

* После смерти (лат.).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>П.В. Флоренский. Перо и крест священника Павла Флоренского</i>	5
<i>П.А. Флоренский. Автореферат</i>	15
<i>Краткая летопись жизни священника Павла Флоренского</i>	21

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

<i>I. О своем роде и о юности. Эгодиция</i>	30
Из родословной Флоренских	30
Детям моим. На память о вашем отце. Пристань и бульвар	35
<i>II. Теодиция. Оправдание Бога</i>	50
Столп и утверждение Истины	50
<i>III. Антроподиция. Оправдание человека</i>	54
Вопль крови	54
На Маковце	59
Пути и средоточия	66
У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики). III. Обратная перспектива	74
<i>IV. Борьба за Церковь</i>	123
Троице-Сергиева Лавра и Россия	123
Имена	138
Павел	155
Иконостас	171
Философия культа	175
Храмовое действо как синтез искусств	199
<i>V. Новое Средневековье</i>	210
Итоги	210
Мнимости в геометрии. Расширение области двухмерных образов геометрии	219
В.И. Вернадскому	226
Предполагаемое государственное устройство в будущем	230
<i>VI. В вечность</i>	259
Письмо семье о картине М.В. Нестерова «Философы» от 18 сентября 1921 года	259

Письма из Забайкалья и из Соловецкого лагеря особого назначения. 1934—1937	260
Оро	301
Завещание моим детям: Анне, Василию и Кириллу, и Олечке — на случай моей смерти	305
<i>Комментарии и примечания</i>	309

СВЕТ ФАВОРСКИЙ

Павел Флоренский глазами его современников

<i>Андрей Белый. Начало века.</i> Глава III. Разнобой. «Аяксы» (1930—1933)	338
<i>В.В. Розанов. Густая книга</i>	347
<i>Е.Н. Трубецкой. Свет Фаворский и преображение ума</i>	357
<i>С.И. Огнева. Отрывок из «Воспоминаний»</i>	374
<i>С.Н. Булгаков. Священник о. Павел Флоренский</i>	382
<i>А.Ф. Лосев. Вспоминая о. Павла Флоренского</i>	390
<i>П.В. Флоренский. Реакция современников</i> на «Мнимости в геометрии»	410
<i>Комментарии и примечания</i>	429

ПОЭТИКА СУДЬБЫ

Возвращение священника Павла Флоренского

<i>В.А. Шапошников. «Математика для меня — это ключ к мировоззрению»</i>	434
<i>Т.А. ШUTOва. Сокрытое чудо: Святая тайна Лавры</i>	441
<i>А.И. Олексенко. О символах лагерных писем о. Павла Флоренского</i>	447
<i>Нина М. Каухчишвили. Последнее сочинение П.А. Флоренского «Оро»: Поэтика судьбы</i>	460
<i>О.И. Генисаретский. Ремесло жизни: техническая изощренность и софийное изящество в антроподицеи свящ. Павла Флоренского</i>	473
<i>Митрополит Филарет (Вахромеев). Священник Павел Флоренский</i>	481
<i>Кардинал Томаш Шпидлик. Дышать обоими легкими</i>	485
<i>Священник Милан Жуст. Опыт Христа, единство жизни и богословия Флоренского</i>	493
<i>Митрополит Кирилл. Значение отца Павла Флоренского для религиозного возрождения на постсоветском пространстве</i>	499
<i>Комментарии и примечания</i>	505
<i>Библиография</i>	516

Русский Миръ в лицах

Павел Александрович Флоренский

Диалог со временем. Свет Фаворский. Поэтика судьбы

Генеральный директор *В. Е. Волков*

Главный редактор *А. Т. Волобуев*

Редактор *О. П. Дробышева*

Технический редактор *И. Л. Маринич*

Верстка *И. А. Миронов, О. П. Фанкина*

Корректор *Е. Е. Беляева*

Сдано в набор 23.01.2013. Подписано в печать 15.01.2014.

Формат 60 × 90^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Печ. л. 33,0+2,0 вкл. Тираж 2000 экз. Заказ № 8044.

ЛР № 071422 от 07.04. 1997.

ООО Издательство «Русский Миръ»

125252, Москва, ул. Зорге, 9А, стр. 2

e-mail: russkij-mir@narod.ru

www.vk.com/russmir

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

www.oaompk.ru, www.oaompk.pf тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ISBN 978-5-89577-175-4

9 785895 771754

ИЗДАТЕЛЬСТВО

*Книги по истории и культуре Государства Российского,
русская художественная и детская литература,
педагогические и справочные издания*

Книжные серии издательства:

- ❑ «Большая Московская Библиотека»
- ❑ «Русский Миръ в лицах»
- ❑ «Русский Миръ классики»
- ❑ «Семейные хроники»
- ❑ «Зарубежная Россия»
- ❑ «О слово русское, родное»
- ❑ «Русский Миръ прозы»
- ❑ «Литературная премия Александра Солженицына»
- ❑ «Pro patria: Историко-политологическая библиотека»
- ❑ «Русская провинция»
- ❑ «Русский Миръ — детям»
- ❑ Энциклопедические словари

За справками и по вопросам приобретения этих книг
обращаться в издательство «Русский Миръ»:

Москва, ул. Зорге, 9А, стр. 2

Тел.: (495) 984-71-67

e-mail: russkij-mir@narod.ru

www.vk.com/russmir